

12+ЮРИЙ ЛЕСНИКОВ

СИЦИЛИЙСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ

Юрий Лесников

Сицилийская экспедиция

«Издательские решения»

Лесников Ю.

Сицилийская экспедиция / Ю. Лесников — «Издательские решения»,

Великая держава решила, что маленькая война будет быстрой. Хотя война ли? Экспедиция. Противник слаб, его власть непрочна, союзники ждут афинян. Возможно говорили даже, что афинский флот встретят цветами. Однако планы имеют мало общего с действительностью. Противник не желает капитулировать. Но признать ошибку трудно. Поэтому государство идёт дальше. Две с половиной тысячи лет назад Афины были уверены, что решают судьбу Сицилии. В действительности на Сицилии решалась судьба самих Афин.

© Лесников Ю.

© Издательские решения

Содержание

Глава первая.	6
Глава вторая.	13
Глава третья. Сегеста просит помощи	18
Глава четвёртая.	27
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Сицилийская экспедиция

Юрий Лесников

© Юрий Лесников, 2026

ISBN 978-5-0071-0803-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава первая. После холодной войны

Большие войны редко заканчиваются миром. Обычно они заканчиваются усталостью, которую стороны временно принимают за мир.

Весной 421 года до нашей эры Афины и Спарта заключили договор, вошедший в историю как Никиев мир. По замыслу он должен был действовать пятьдесят лет. Серьёзный срок. Почти вечность по меркам человека и вполне приличный промежуток по меркам государства.

Разумеется, не продержался он и десятой части обещанного.

Но в тот момент афинянам хотелось верить. Хотелось хотя бы ненадолго перестать считать корабли, деньги и мёртвых.

Десять лет войны сделали своё дело. Афины не были побеждены, но победителями себя тоже не чувствовали.

Спарта находилась примерно в таком же положении.

Обе стороны могли продолжать войну. Ни одна уже толком не понимала, зачем.

Это важное различие. Когда государство не может воевать, оно просит мира. Когда оно может воевать, но больше не видит ясной дороги к победе, оно заключает перемирие и начинает называть его миром.

Именно это произошло в Греции.

Впрочем, война Афин и Спарты началась не в тот день, когда спартанские войска впервые вторглись в Аттику. Ей предшествовала долгая холодная война.

Две системы, два союза, два представления о том, как должна быть устроена Греция.

На одной стороне стояла Спарта.

Сухопутная, замкнутая, подозрительная ко всему новому. Город, который почти не выглядел городом в привычном смысле: без величественных стен, без огромного порта, без толпы купцов со всего Средиземноморья. Его сила находилась не в камне и не в золоте. Она находилась в людях, с детства приученных считать приказ важнее желания, а позор — страшнее смерти.

Позднее Ксенофонт удивлялся, как малонаселённая Спарта смогла стать одним из самых могущественных государств Греции. Ответ он находил в её учреждениях. Спартанское общество было устроено как армия, случайно задержавшаяся в мирной жизни. Воспитание мальчиков, общие трапезы, постоянный надзор старших, строгая иерархия — всё подчинялось одной задаче: создать гражданина, который не задаёт лишних вопросов в строю. Ксенофонт особо подчёркивал спартанское повиновение властям и законам: даже самые влиятельные граждане демонстративно подчинялись должностным лицам, показывая пример остальным.

Разумеется, Спарта не была казармой, населённой одинаковыми воинами. У неё были два царя, совет старейшин, народное собрание и эфоры, способные контролировать даже царскую власть. Но политическая система здесь служила не столько свободному обмену мнениями, сколько сохранению порядка.

Спартанец мог спорить.

Только не о том, следует ли подчиняться.

В этом заключалась сила Спарты. И её слабость.

Государство, построенное ради устойчивости, плохо переносит перемены. Оно может десятилетиями сохранять один и тот же строй, пока соседи переживают перевороты, тирании и гражданские войны. Фукидид отмечал, что Спарта раньше других греческих городов обрела устойчивые законы и на протяжении столетий сохраняла одну форму правления. Именно это

позволило ей вмешиваться в дела других полисов и выступать хранителем традиционного порядка.

Хранитель порядка — почётное звание.

Особенно когда именно он решает, какой порядок считать правильным.

Вокруг Спарты существовал Пелопоннесский союз. Его участники сохраняли собственные законы, но в вопросах войны вынуждены были считаться со спартанской волей. Спарта не собирала со всех постоянную дань по афинскому образцу и не размещала повсюду чиновников. Ей это было не нужно. Достаточно было репутации сильнейшей сухопутной державы и понимания, что в случае серьёзного спора на горизонте появятся лаконские щиты.

Спарта управляла страхом редко, но убедительно.

Афины были устроены почти противоположным образом.

Морской город, открытый торговле, деньгам, чужеземцам, идеям и постоянным переменам. Здесь гражданин не просто подчинялся государству. Он считал государство своим делом. Он слушал речи, голосовал, спорил, обвинял должностных лиц, выбирал военачальников и через некоторое время мог изгнать тех же людей, которым недавно рукоплескал.

Афинская демократия не была демократией в современном смысле. Женщины, рабы и переселенцы политических прав не имели. Но для полноправного гражданина участие в общественных делах было не красивой формальностью, а частью повседневной жизни. Народное собрание решало вопросы войны, мира, союзов, налогов и экспедиций.

То есть вопросы, которые в других государствах доверяли узкому кругу правителей, здесь обсуждала многотысячная толпа.

Сила Афин была во флоте. Корабли позволяли защищать побережье, перевозить войска, контролировать торговые пути и вмешиваться в дела городов, до которых спартанская армия добиралась бы месяцами. Фукидид прямо связывал развитие морской силы с ростом доходов и господства: тот, кто владел флотом, получал доступ к островам, торговле и дани.

Но флот был не просто оружием. Он был основой общества.

Каждая трирема требовала почти двух сотен гребцов. В основном это были небогатые граждане, чья роль в войне давала им политический вес. Богатый гоплит мог смотреть на бедняка сверху вниз на агоре, но в морском походе государство зависело именно от рук этого бедняка. Афинская демократия и морское могущество поддерживали друг друга.

Флот давал народу силу. Народ голосовал за новый флот.

Очень удобная система, пока хватает денег.

Деньги поступали от торговли, серебряных рудников и союзников. После победы над Персией Афины возглавили Делосский союз, созданный для продолжения борьбы с персидской угрозой. Постепенно добровольные взносы превратились в обязательную дань, общая казна переехала в Афины, а попытки союзников выйти из объединения стали рассматриваться как мятеж.

Когда Афины строили новые корабли, они объясняли, что защищают союзников.

Союзники почему-то всё чаще чувствовали, что корабли строят против них.

Так морской союз превращался в империю. Не за один день и не по единому тайному плану. Просто каждое новое решение выглядело разумным. Нужно обеспечить выплату взносов. Нужно не допустить ухода важного острова. Нужно наказать мятежников, иначе разбегутся остальные. Нужно содержать флот, потому что без флота вся система рухнет.

К концу процесса уже трудно было вспомнить, когда именно равные союзники стали подданными.

Афины отличались от Спарты не только кораблями и политическим строем. Они иначе смотрели на саму жизнь.

У Фукидида коринфские послы противопоставляют медлительных и осторожных спартанцев деятельным афинянам, которые быстро придумывают новое, рискуют, отправляются

далеко от дома и почти никогда не довольствуются достигнутым. Это, конечно, речь политических противников, а не беспристрастный социологический отчёт. Но противопоставление получилось настолько точным, что Фукидид сделал его одним из ключей к пониманию войны.

Спарта хотела сохранить существующий мир.

Афины хотели его улучшить. Разумеется, под своим руководством.

Спартанец видел в переменах угрозу порядку. Афинянин видел в неподвижности упущенную возможность. Для Спарты хорошим решением было то, которое не разрушало старое. Для Афин — то, которое открывало путь к новому.

Спарта располагала лучшей сухопутной армией Греции, но с трудом действовала вдали от Пелопоннеса. Афинские армии могли появиться почти в любой точке Эгейского моря.

Спарта боялась, что Афины станут слишком сильными.

Афины боялись остановиться и обнаружить, что их сила держалась на движении.

Фукидид именно рост афинского могущества и вызванный им страх Спарты называл главной причиной войны. Спарта видела государство, которое расширялось слишком быстро и не умело останавливаться. Афины видели государство, которое считало любую перемену нарушением естественного порядка. Обе стороны были по-своему правы.

Именно поэтому договориться оказалось особенно трудно.

Каждый новый корабль Афин пугал Спарту. Каждый новый союзник Спарты раздражал Афины. Любой конфликт между небольшими полисами мгновенно превращался в проверку влияния великих держав.

Афины не могли уступить, потому что уступка выглядела слабостью. Спарта не могла отступить, потому что отступление подрывало её авторитет. Каждый следующий конфликт объявлялся принципиальным, каждая новая позиция — последней, а каждое отступление — невозможным.

Очень удобный способ идти к войне, непрерывно уверяя себя, что ты её избегаешь.

Красные линии множились быстрее, чем поводы для спора. В какой-то момент уже никто не помнил, ради чего была проведена первая. Зато все прекрасно знали, что пересечь последнюю нельзя.

За десять лет афиняне пережили спартанские вторжения в Аттику, чуму, разгром при Делии и потерю Амфиполя. Спартанцы, в свою очередь, получили унижительный удар на Сфактерии, где в плен сдались граждане самой Спарты.

В 422 году до нашей эры при Амфиполе встретились армии Афин и Спарты. Точнее, сначала афинский командующий Клеон вовсе не собирался давать большое сражение. Он подошёл к городу, чтобы осмотреть позиции противника, оценить укрепления и дожидаться подкреплений. Само по себе решение выглядело разумным. Проблема заключалась в том, что афинская армия находилась слишком близко к врагу и при этом не была готова к немедленной атаке.

Клеон, судя по рассказу Фукидида, не ожидал, что спартанский полководец Брасид решится выйти из города. Афиняне видели движение внутри Амфиполя, но истолковали его неправильно. Вместо подготовки к бою начался отход. Войска поворачивали назад, причём перестроение проходило на глазах у противника.

Нет ничего опаснее армии, которая ещё не бежит, но уже повернулась к врагу спиной.

Брасид именно этого и ждал. Он не стал выводить всё войско для правильного сражения по всем правилам. Вместо этого ударил небольшим отрядом внезапно, через городские ворота, по афинянам в момент, когда их строй уже нарушился. Затем в атаку пошли остальные силы.

Поражение было вызвано не численным превосходством спартанцев и не каким-то чудесным героизмом. Афиняне застали в худший возможный момент: они не успели построиться для боя, но уже начали отход. Правое крыло ещё сохраняло порядок, левое оказалось рассеяно, а управление армией практически исчезло.

Клеон попытался спастись бегством и был убит. Брасид тоже получил смертельное ранение, но его удар достиг цели. Спартанцы удержали Амфиполь, а афинская армия отступила.

Клеон проиграл.

Он проиграл не потому, что ему не хватало храбрости в красивом литературном смысле. Он проиграл потому, что неверно понял намерения противника, позволил войску начать отход рядом с городом и дал Брасиду именно ту возможность, на которую тот рассчитывал.

Один командующий решил, что сражения не будет.

Другой понял, что лучшего момента для сражения уже не будет.

Погибли оба.

Затем был заключён мир, названный именем афинского стратега Никия. Не потому, что греки внезапно полюбили друг друга. Просто война лишилась своих наиболее деятельных сторонников.

Сам Никий был человеком, которому такой памятник подходил гораздо больше, чем конная статуя победителя. Богатый, осторожный, религиозный, сдержанный, он вовсе не походил на политиков, способных за несколько минут убедить толпу начать войну на другом конце света.

Никий не любил риск. Он предпочитал переговоры, расчёт и понятные обязательства. Вероятно, именно поэтому судьба впоследствии поставит его во главе самой рискованной военной экспедиции в истории Афин. История вообще любит подобные шутки.

Главный политический противник Никия — Клеон — говорил громко.

Клеон предлагал действовать. Никий предлагал подумать.

Нетрудно догадаться, кого охотнее слушает народное собрание во время войны.

Во время спора о положении на Сфактерии Никий предложил своему противнику лично принять командование. Никий, вероятно, рассчитывал, что Клеон отступит, начнёт оправдываться и выставит себя болтуном.

Но Клеон принял предложение, отправился к войскам и вместе с опытным полководцем Демосфеном добился успеха. Спартанцы сдались, а Клеон вернулся в Афины победителем.

Никий хотел показать, что Клеон умеет только кричать.

Получилось наоборот.

Политические комбинации хороши до тех пор, пока противник играет отведённую ему роль. Никий рассчитывал выставить Клеона болтуном. Клеон вместо этого вернулся победителем.

Но при Амфиполе всё перевернулось.

Клеон, прославившийся после Сфактерии, проиграл сражение и погиб. Никий пережил его и стал главным архитектором мира. Для афинянина, уставшего от войны, вывод выглядел очевидным.

Один обещал решительность — и привёл армию к поражению.

Другой обещал осторожность — и остановил войну.

Казалось бы, спор окончен.

На самом деле он только сменил форму.

Проблема заключалась в том, что Клеон умер, а созданный им дух остался. Афиняне привыкли слышать, что воля способна заменить расчёт, решительность — подготовку, а размеры флота автоматически превращают любой план в разумный.

Никий пережил своего противника, но не победил.

Более того, Никию самому постоянно приходилось доказывать, что он не трус.

Осторожный политик в воюющем государстве всегда находится в неудобном положении. Любое его сомнение можно объявить слабостью. Любой расчёт — паникой. Любое предложение остановиться — предательством павших.

— Значит, все жертвы были напрасны?

— Значит, враг победил?

— Значит, мы больше не великая держава?

И что прикажете отвечать?

Афины считали себя не просто одним из греческих городов. Они помнили невозможные победы при Марафоне и Саламине. Помнили, как афинский флот стал главным оружием греков в борьбе против персидской державы, размеры и мощь которой должны были исключать самую возможность сопротивления.

Разумеется, Грецию от Персии спасли не одни Афины. При Фермопилах стояли спартанцы и их союзники, при Платеях сражались армии многих полисов. Но без афинских кораблей победа едва ли была бы возможна. И афиняне напоминали остальным об этом при каждом удобном случае.

Постепенно память о спасении Греции превратилась в уверенность, что Афины имеют особые права.

Мы спасли вас — значит, можем требовать.

Мы защищаем Грецию — значит, любое сопротивление Афинам помогает её врагам.

Охранник однажды выгнал из дома грабителя, а затем поселился в гостинной, забрал ключи и начал брать плату за пользование кухней. На возмущение хозяев он отвечает совершенно искренне:

— Вы забыли, кто вас спас?

Фактически, за десятилетия после персидских войн союз под руководством Афин превратился в империю. Союзники платили взносы, предоставляли корабли. Попытка выйти из объединения воспринималась не как политическое решение независимого города, а как мятеж. Сами афиняне противоречия здесь не видели.

Свобода Греции и власть Афин в их сознании прекрасно уживались. Иногда даже обозначали одно и то же.

К моменту заключения Никиева мира это представление никуда не исчезло. Афины устали от войны, но не отказались от империи. Они хотели мира со Спартой, сохранив возможность распоряжаться союзниками. Хотели снизить расходы, не уменьшая влияния. Хотели передышки, но не пересмотра целей.

Другими словами, афиняне желали закончить войну, не отказываясь ни от одной причины, которая эту войну вызвала.

Спартанцы мечтали примерно о том же.

По условиям договора стороны должны были вернуть значительную часть захваченных территорий и пленных. Однако выполнить договор полностью оказалось гораздо сложнее, чем торжественно его подписать.

Некоторые союзники Спарты отказались признавать соглашение. Амфиполь не вернулся под власть Афин. Взаимное недоверие никуда не исчезло.

Мир с самого начала напоминал плохо сколоченный табурет: на нём можно сидеть, но лучше не шевелиться.

Если смотреть на итог без торжественных речей и красивых формулировок, Афины эту войну проиграли. Они не смогли сломить Спарту, не добились признания своего безусловного господства и не заставили противника принять афинский порядок как единственно возможный.

Десять лет войны, тысячи погибших, потраченные деньги — а главный соперник всё ещё стоял напротив.

Более того, Спарта сохранила свой союз, свою армию и своё влияние. Она не стала афинским вассалом, не отказалась от притязаний и не признала Афины хозяевами Греции.

Для державы, претендовавшей на первое место, это и было поражением.

Но афиняне поражением его не считали. И в этом заключалась главная опасность.

Поражение оказалось размытым. А размытое поражение всегда легче объявить незавершённой победой.

Афины не понесли тех потерь, которые обычно заставляют государство признать поражение. Их не разоружили, не лишили империи и не заставили отказаться от великодержавных притязаний. Наказание оказалось недостаточно тяжёлым, чтобы вызвать смирение, но вполне достаточным, чтобы породить обиду.

Самая опасная смесь.

Афиняне могли говорить себе, что не проиграли. Просто не успели победить. Не ошиблись, а остановились слишком рано. Не переоценили силы, а столкнулись с неудачным стечением обстоятельств.

Следовательно, требовалось не отказаться от прежнего курса. Требовалось доказать, что он был верным.

Так желание мира постепенно соседствовало с желанием реванша. Афины устали воевать со Спартой, но не смирились с тем, что Спарта устояла. Они хотели передышки, чтобы снова почувствовать силу. Хотели победы, которая задним числом оправдала бы прежние жертвы.

Не обязательно над тем же противником.

Реванш вообще редко начинается словами «мы хотим отомстить». Обычно говорят о восстановлении авторитета, защите союзников, новых возможностях и исторической ответственности.

Но смысл остаётся прежним. Проигравший хочет доказать, что он не проиграл.

Афины и Спарта больше не сражались напрямую, но продолжали следить друг за другом, поддерживать союзников и искать возможность улучшить собственное положение. Договор остановил армии, но не прекратил соперничество.

Никто не разоружился.

Никто не отказался от союзов.

Никто не поверил в добрые намерения соседа.

Каждая сторона ждала, что другая первой нарушит соглашение, и потому заранее готовилась ответить. Удивительно, но когда два государства годами готовятся к предательству друг друга, предательство обычно случается.

Тем не менее Никий мог считать себя победителем. Его политика, казалось, восторжествовала. Клеон лежал в земле, а Никий стоял перед афинянами как человек, остановивший войну.

Вот только мир не решил главную проблему Афин. Город не понимал, что ему делать со своей силой.

Вернуться к довоенной жизни было невозможно. Империя требовала флота, флот требовал денег, деньги поступали от союзников, а союзники платили лишь до тех пор, пока боялись афинских кораблей. Значит, для сохранения мира Афинам всё равно приходилось постоянно демонстрировать готовность к войне.

Получалось странное состояние. Война закончилась, а привычка мыслить военными категориями осталась. Люди хотели покоя, но нуждались в доказательствах собственной силы. Афины уже не желали прежней войны, однако ещё меньше желали признать, что она ничего не решила.

Мир дал передышку. Смысла он не дал.

Враг больше не стоял у городских стен, однако отказаться от образа врага означало задать неприятный вопрос: ради чего были принесены все прежние жертвы?

Что дальше?

Распустить флот?

Ослабить власть над союзниками?

Признать, что могущество Афин имеет предел?

Можно было предложить всё перечисленное. Можно было также выйти на агору и публично назвать афинян трусливыми лавочниками. Политический результат оказался бы примерно одинаковым.

Город, привыкший считать себя центром греческого мира, не собирался признавать поражение.

Ему нужен был реванш. А для реванша нужен был противник. Таким удобным противником казалась Сицилия.

Глава вторая.

Сицилия в конце V века до н. э.

Для начала предлагаю разобраться, что представляла собой эта самая Сицилия, которая казалась афинянам удобным противником.

На современной карте Сицилия выглядит почти игрушечной. Треугольник у носка итальянского сапога. На автомобиле его можно пересечь часов за пять.

Сицилия V века до нашей эры не была единым государством. Не существовало никакого общего сицилийского правительства, единой армии или столицы.

Это был отдельный мир, набитый полисами, местными народами, колониями, торговыми пунктами, союзами и старыми обидами. Остров был достаточно велик и богат, чтобы каждый сильный город мечтал о первенстве. И недостаточно велик, чтобы соседи могли спокойно друг друга не замечать.

Даже само выражение «сицилийцы» требует осторожности. Фукидид мог называть так жителей острова в целом, особенно когда противопоставлял их внешнему врагу. Но в обычной жизни житель Сиракуз прежде всего был сиракузянином, житель Камарины — камаринцем, а житель Сегесты вовсе не считал себя разновидностью грека. Единство появлялось в тот момент, когда появлялся тот, против кого было выгодно объединиться.

Климат Сицилии работал на её богатство. Сицилия лежала в зоне средиземноморского климата: большая часть осадков выпадала в прохладное время года, лето было сухим и жарким, а количество влаги заметно различалось между отдельными районами острова.

Однако Сицилия не была вечным солнечным курортом. Зимой дожди осложняли передвижение по дорогам, море становилось опаснее, а полевые работы и военные действия зависели от сезона.

Летом возникала противоположная проблема. Небольшие водотоки мелели, земля высыхала, источники приобретали стратегическое значение. В одном месте перед вами могла лежать почти сухая канава, а после сильного дождя там уже шёл поток, через который невозможно провести обоз.

Но не смотря на недостатки климата, остров был достаточно плодороден. Плодородие острова не просто делало Сицилию богатой. Оно позволяло местным городам содержать большие военные силы недалеко от дома.

Сицилийское сельское хозяйство опиралось прежде всего на зерновые культуры, виноград, оливковые деревья и скотоводство. Остров располагал широкими равнинами и земледельческими районами, особенно по сравнению с гористой и относительно тесной Атикой.

Это различие позднее сыграет злую шутку с Афинами. Афиняне привыкли, что их главное преимущество находится на море. Флот доставлял людей и припасы туда, куда сухопутная армия добиралась неделями. Но корабль не мог вспахать поле, напоить коня или постоянно защищать солдат, ушедших далеко от берега.

Сиракузы, напротив, располагали не только флотом, но и сильной конницей.

Греки не были первыми и единственными жителями острова. Фукидид, начиная рассказ о Сицилийской экспедиции, специально излагает историю заселения острова. Он перечисляет сиканов, сикулов и элимцев, а затем рассказывает о появлении финикийцев и греческих колонистов.

Сиканы занимали прежде всего западные и центральные районы. Сикулы жили главным образом в восточной и внутренней части острова. Элимцы были связаны с городами Сегеста и Эрикс на западе.

Эти народы не исчезли после появления греков. Они не растворились в воздухе и не уступили сцену более известным персонажам. Одни общины сохраняли самостоятельность, другие попадали под влияние греческих городов, третьи заключали союзы с ними против собственных соседей.

Греческая колонизация вообще редко выглядела как мирное строительство нового квартала на пустующем берегу. Колонисты занимали земли, основывали города, подчиняли часть местного населения, торговали с ним и воевали. Иногда всё это происходило одновременно.

Фукидид сообщает, что первые греческие поселения возникли на восточном побережье. Халкидяне основали Наксос, затем Леонтины и Катану. Выходцы из Коринфа основали Сиракузы. Позже появились Мегара Гиблейская, Гела, Акрагант, Селинунт и другие города.

Происхождение колонии имело политическое значение. Дорийские города тяготели к одним связям, халкидские и ионийские — к другим. Сиракузы помнили о своём коринфском происхождении. Афины охотно напоминали халкидским городам о родстве ионийцев.

Но не нужно считать, будто происхождение автоматически определяло союз.

Общий предок полезен на праздничной речи. Когда речь заходит о земле, торговле и собственной безопасности, генеалогия быстро отходит на второй план.

Греческие города Сицилии могли воевать с родственными полисами и заключать соглашения с теми, кто происходил из другой части греческого мира. Камарина, например, была основана Сиракузами, однако отношения между двумя городами неоднократно становились враждебными.

До прихода греческих колонистов финикийцы располагали поселениями в разных частях Сицилии. По словам Фукидида, с продвижением греков они сосредоточились на западном побережье — в Моти, Панорме и Солунте. Такое положение облегчало связь с Карфагеном и соседними элимцами.

Карфаген к концу V века до нашей эры уже был крупной западносредиземноморской державой. Но говорить, что он просто владел западной половиной Сицилии, было бы слишком грубо.

Финикийские города сохраняли собственную жизнь и местные интересы. Карфагенское влияние проявлялось через торговлю, военную силу, договоры и способность вмешаться в крупный конфликт. Это не была единообразная провинция с чётко проведённой на карте государственной границей.

В 480 году до нашей эры карфагенская армия потерпела тяжёлое поражение при Гимере от сил Гелона Сиракузского и Ферона Акрагантского. Основной подробный рассказ об этом сохранился у Диодора Сицилийского, писавшего значительно позже событий. Его огромные цифры войск и потерь не следует принимать буквально, но сам факт крупного карфагенского похода и поражения сомнений не вызывает.

После Гимеры Карфаген долго не предпринимал нового масштабного наступления на греческие города Сицилии. Но это не означало его ухода с острова. Западные финикийские центры продолжали существовать, а сам Карфаген сохранял возможность вернуться к активной политике.

Это важно, потому что позднейшие события создают ложное впечатление, будто Афины вторглись на остров, уже разделённый между Сиракузами и Карфагеном.

Нет. Политическая картина была сложнее.

Карфаген наблюдал. Сиракузы усиливались. Малые города искали противовесы. Никто не контролировал всю Сицилию.

Главным греческим полисом острова были Сиракузы. Они находились на юго-восточном побережье и располагали удобными гаванями, плодородной сельской территорией, многочисленным населением, флотом и конницей.

Город занимал остров Ортигию и прилегающую материковую территорию. Такое положение позволяло одновременно контролировать гавани и расширяться в глубь суши.

В предыдущем столетии город пережил власть тиранов. После падения династии Диноменидов там установился демократический порядок, хотя борьба богатых семей, народных вождей и политических групп никуда не исчезла.

Демократия вообще не отменяет соперничество элит. Она лишь заставляет их объяснять собственные интересы волей народа.

К началу афинского вторжения Сиракузы были сильнейшим городом острова, но ещё не его бесспорным хозяином. Они могли оказывать давление на соседей, вмешиваться в их внутренние конфликты и поддерживать союзников. Однако заставить все сицилийские города действовать по единому приказу они не могли.

Для малых полисов Сиракузы были опасным соседом. Примерно как большая торговая сеть для семейной лавки. Формально оба имеют право работать. Фактически один может пережить несколько неудачных лет, нанять больше людей и однажды купить помещение, в котором второй арендует угол.

Поэтому Афины рассчитывали привлечь на свою сторону множество противников Сиракуз. На первый взгляд это выглядело разумно. Проблема заключалась в другом. Быть противником Сиракуз ещё не означало хотеть афинской победы.

Кроме Сиракуз, на острове существовали Акрагант, Гела, Камарина, Катана, Наксос, Гимера, Мессана и другие полисы.

Акрагант был одним из богатейших дорийских городов Сицилии. Его земли давали значительную сельскохозяйственную продукцию, а положение на южном побережье позволяло участвовать в морской торговле.

Гела, основанная родосскими и критскими колонистами, сама стала метрополией Акраганта. В начале V века именно правители Гелы даже получили контроль над Сиракузами. Но всё же к концу столетия политическое первенство перешло к Сиракузам, хотя Гела сохраняла значение.

Камарина находилась западнее Сиракуз на южном берегу. Она была основана сиракузянами, разрушалась ими, восстанавливалась и снова вступала с ними в конфликт. Поэтому ожидать от Камарины автоматической верности Сиракузам было бы наивно.

Но столь же наивно было считать её естественным союзником Афин.

Катана и Наксос принадлежали к халкидской группе городов и могли опасаться Сиракуз. Мессана контролировала пролив между Сицилией и Италией. Её расположение делало город важным для любых сил, прибывавших на остров с востока.

Каждый полис имел собственные расчёты. Одни хотели ослабить Сиракузы. Другие опасались, что после их ослабления Афины станут ещё опаснее. Третьи собирались сохранять нейтралитет как можно дольше.

Нейтралитет небольшого государства обычно означает желание присоединиться к победителю за пять минут до окончания боя.

Но угадать победителя заранее удаётся не всем.

Сицилийская экспедиция, о которой идёт речь в этой книге, не была первой для Афин.

В 427 году до нашей эры, когда Сиракузы и их дорийские союзники воевали против Леонтин и других городов, Афины отправили двадцать кораблей под командованием Лахета и Хареада. Фукидид объясняет решение двумя мотивами: помощью родственным ионийцам и стремлением помешать доставке сицилийского зерна в Пелопоннес. Афиняне также хотели проверить, смогут ли они распространить своё влияние на Сицилию.

Последняя цель особенно важна.

Экспедиция в 427 году до н. э. не была случайной помощью далёкому союзнику. Афины уже рассматривали остров как пространство возможного расширения.

Афинские корабли действовали вместе с Регием, Леонтинами, Наксосом и другими противниками Сиракуз. В войну были вовлечены и отдельные группы сикулов.

Однако быстро решить сицилийские дела не получилось. Союзники имели разные интересы. Афинских сил было недостаточно для подчинения крупных городов. Местные конфликты продолжались, меняя направление.

В 425 году Афины отправили на запад дополнительные корабли. Но значительного перелома не произошло.

В 424 году до нашей эры представители сицилийских городов собрались в Геле, чтобы прекратить войну. Фукидид вкладывает главную речь в уста сиракузянина Гермократа.

Гермократ призвал сицилийцев прекратить междоусобицы и не приглашать внешние державы решать местные споры. Афины, утверждал он, помогают одним городам не из дружбы, а для установления власти над всеми.

Заявление было не бескорыстным. Сиракузы являлись сильнейшим полисом острова и выигрывали от изгнания внешних сил. Когда самый крупный сосед призывает всех самостоятельно решать свои проблемы, он часто имеет в виду: «Давайте останемся наедине, и я спокойно объясню вам условия».

Сицилийские города заключили мир. Афинские командиры согласились уйти. Вернувшись домой, они подверглись наказанию: двоих изгнали, третьего оштрафовали. Афиняне решили, что их полководцы могли покорить Сицилию, но не сделали этого.

Вот здесь и появляется важный симптом. Неудачу объяснили не сложностью задачи, а плохой работой исполнителей.

Это удобный вывод. Он позволяет ничего не менять в собственных представлениях. План был великолепен, просто люди попались неправильные.

Через девять лет Афины отправят намного больше кораблей и солдат, чтобы доказать справедливость этого вывода.

Афиняне продолжали смотреть на Сицилию как на увеличенную карту Эгейского моря. Там тоже были ионийцы и дорийцы, демократии и олигархии, острова и приморские города. Значит, казалось, можно найти союзников, поставить гарнизоны и постепенно создать систему зависимости, похожую на Афинский морской союз.

Но сходство было обманчивым.

Сицилийские полисы были крупнее и самостоятельнее многих эгейских союзников Афин. Они располагали плодородными землями, собственными армиями и значительными ресурсами. Их существование не зависело от афинского флота.

Даже города, враждебные Сиракузам, не обязательно хотели заменить сиракузское давление афинским. Для самих этих городов Афины были полезной внешней силой. Их корабли можно было направить против местного противника. Но никто не подписывался превращаться в очередного плательщика дани.

Афины видели будущую систему. Сицилийцы видели временную помощь.

Сицилия интересовала афинян не только как военная база или источник зерна. Богатый остров обещал землю, торговлю, жалованье и новые доходы.

Нужно сразу уточнить: до экспедиции на Сицилию не существовало значительных афинских поселений. Леонтины, Катана и Наксос были халкидскими городами, а не колониями Афин. Называть их афинскими поселениями исторически неверно. Афиняне могли считать их ионийскими родственниками. Но родство не равно подданству.

Тем не менее опыт создания клерухий у Афин имелся. Афинские граждане получали участки на землях зависимых или побеждённых общин, сохраняя при этом связь с родным полисом. Такие поселения одновременно давали землю гражданам и укрепляли контроль державы.

Есть ли доказательство, что перед отплытием был составлен официальный план раздела Сицилии на участки для афинян?

Нет. Фукидид такого решения не приводит.

Но он подробно описывает ожидания участников экспедиции. Молодые люди хотели увидеть далёкую страну. Рядовые граждане и бедняки рассчитывали на жалованье и длительную службу. Другие надеялись, что поход принесёт Афинам новые источники дохода.

Представьте афинского гражданина без хорошего участка в Аттике. Земля давно поделена. Богатые семьи владеют рудниками, мастерскими и поместьями. Бедный гражданин голодает в народном собрании, служит на корабле и получает плату за участие в походе.

И тут ему рассказывают о Сицилии.

Огромные поля. Богатые города. Храмы с сокровищами. Гавани. Торговые пути. Земля, которой больше, чем в тесной Аттике.

Для государства Сицилия была возможной империей.

Для полководцев — славой.

Для торговцев — новым рынком.

Для бедных граждан — жалованьем сегодня и, возможно, участком завтра.

Каждый видел собственную Сицилию.

Настоящую почти никто не видел.

К 415 году до нашей эры на Сицилии не существовало двух чётких лагерей, один из которых ждал Афины, а другой готовился их отражать.

Афины видели богатый остров, разделённый внутренними конфликтами.

Это было правдой.

Но они не заметили вторую половину правды: угроза внешнего подчинения могла заставить вчерашних врагов договориться.

Ведь одно дело — найти на острове врагов Сиракуз.

И совсем другое — найти людей, готовых умереть за могущество Афин.

Глава третья. Сегеста просит помощи

Большие войны редко начинаются с важных причин. Обычно всё выглядит куда прозаичнее. Где-то не поделили поле. Где-то не признали старую границу. Где-то поссорились из-за брака. Затем один город зовёт союзника, второй пугается и ищет собственного покровителя, союзник приводит ещё одного союзника — и через некоторое время тысячи людей уже убивают друг друга, хотя большинство из них ещё недавно не смогло бы найти место первоначального спора на карте.

Сицилийская экспедиция Афин началась примерно так.

Разумеется, позднее всё стали объяснять куда величественнее. Афиняне якобы решили покорить Сицилию, уничтожить Сиракузы, завладеть богатствами острова, перекрыть поставки хлеба Пелопоннесу, а затем, вероятно, завоевать Карфаген и вообще половину известного мира. Человеческий разум любит подобные объяснения. Если итог огромен, значит, и замысел с самого начала должен быть огромным. Не могла же крупнейшая военная катастрофа Афин вырасти из ссоры двух сицилийских соседей?

Могла.

Более того, именно так международные кризисы зачастую и возникают. Не потому, что все участники с первого дня хотят большой войны, а потому, что каждый делает следующий шаг, который кажется ему разумным и почти безопасным.

Сегеста хотела спастись от Селинунта. Селинунт хотел добиться преимущества над Сегестой. Сиракузы хотели поддержать дружественный город и сохранить своё влияние.

Афины хотели помочь союзникам, ослабить потенциального противника и заодно воспользоваться удачным случаем. Никто из участников ещё не понимал, куда приведёт эта цепочка решений. А привела она к гудам трупов по всей Сицилии.

Сегеста находилась на северо-западе Сицилии. Это был не обычный греческий полис, хотя к V веку до нашей эры город давно жил в тесном соприкосновении с греческим миром, пользовался греческим письмом, чеканил монеты и участвовал в привычной для острова дипломатии. Население Сегесты относили к элимам — одному из негреческих народов Сицилии.

Происхождение элимов уже в древности окружали легендами. Фукидид передаёт рассказ о троянских беглецах, поселившихся на острове после падения Трои. Насколько эта история отражает реальную миграцию, сказать невозможно. Для нас важнее другое: сами греки воспринимали Сегесту как город особый. Не совсем чужой, но и не вполне свой.

Селинунт, напротив, был греческой колонией. Его основали выходцы из сицилийской Мегары Гиблейской при участии поселенцев из самой Мегары. Город стоял на юго-западном побережье острова, располагал плодородными землями, удобной гаванью и постепенно превратился в один из значимых центров Западной Сицилии.

Достаточно посмотреть на карту, чтобы причина будущих столкновений стала почти очевидной. Между двумя городами не лежало ни высокой горной цепи, ни непреодолимой пустыни, ни моря. Их территории соприкасались. Земля была рядом. Земля была нужна обоим.

А когда два государства спорят о земле, историки потом могут долго рассуждать о культурных различиях, этнической вражде и борьбе цивилизаций.

Конфликт Сегесты и Селинунта не возник внезапно в 416 году до нашей эры. Два города враждовали и раньше. Диодор Сицилийский упоминает их борьбу ещё в связи с событиями VI века до нашей эры. Следовательно, перед нами не случайная ссора вчерашних друзей, а старое соседское противостояние, которое периодически затихало, а затем начиналось вновь.

Так бывает и между обычными соседями. Один считает, что забор должен стоять у яблони. Второй уверен, что ещё дед ставил его у колодца. Через двадцать лет уже никто не помнит, с чего всё началось, но обе семьи прекрасно знают, что уступать нельзя.

У городов вместо забора были реки, пашни, пастбища и вооружённые отряды.

Фукидид называет две непосредственные причины нового конфликта: спорную территорию и вопросы браков.

С землёй всё более или менее понятно. Диодор описывает развитие событий подробнее. По его версии, границей служила река. Селинунты перешли её, сначала захватили земли вдоль берега, а затем присоединили более значительную часть соседней территории. Сегестяне потребовали уйти. Требование проигнорировали. Тогда Сегеста сама двинула войско, вытеснила противника и вернула спорную землю.

После этого стороны собрали более крупные силы и решили вопрос так, как люди обычно решают территориальные споры, когда аргументы уже закончились, а оружие ещё осталось.

В сражении победил Селинунт. Сегестяне понесли потери и оказались в тяжёлом положении.

С брачными разногласиями ясности гораздо меньше. Фукидид упоминает их одной фразой, не объясняя подробностей. Возможно, речь шла о смешанных браках, правах детей, приданом, наследовании или отказе признавать заключённые ранее союзы. В древнем полисе брак был не только личным делом двух людей. Он затрагивал гражданский статус, имущество и политические связи семей. Поэтому спор, который современному читателю покажется семейной тяжбой, вполне мог стать межгосударственным вопросом.

Возможно, земельный спор был настоящей причиной войны, а брачный вопрос лишь добавил раздражения. Возможно, наоборот, личные и династические связи местных знатных семейств сделали компромисс невозможным. Наконец, не исключено, что перед нами целый клубок претензий, из которого Фукидид вытащил две наиболее заметные.

Когда государства идут к войне, официальный повод редко существует в единственном экземпляре. Обычно претензии собирают годами, словно неоплаченные квитанции в ящике стола. А в нужный момент достают сразу всю пачку.

Как бы то ни было, основа конфликта видна достаточно хорошо. Селинунт наступал. Сегеста пыталась остановить его своими силами. Не получилось.

И тогда начались поиски того, кто решит проблему за неё.

На этом месте версии Фукидида и Диодора расходятся. Фукидид сразу сообщает, что селинунты заручились союзом Сиракуз и теснили Сегесту на суше и на море. Получается, Сиракузы уже были участником конфликта, причём участником военным. Селинунт не просто победил соседа в одном сражении. За его спиной стоял крупнейший греческий город острова.

Диодор рассказывает иначе. После поражения Сегеста, по его словам, сначала пыталась добиться союза с Акрагантом и Сиракузами. Получив отказ, она обратилась к Карфагену. Карфаген также не захотел вмешиваться. Только после этого сегестяне стали искать союзника за морем и остановили выбор на Афинах.

Как совместить эти рассказы?

Проще всего заявить, что кто-то из древних историков ошибся. Но такое объяснение ничего не даёт. Гораздо полезнее посмотреть, о каких этапах кризиса они могли говорить.

Сегеста действительно могла сначала обратиться к Сиракузам с просьбой выступить посредником или союзником. Сиракузы отказались поддержать её. Затем, когда конфликт продолжился, они могли встать на сторону Селинунта. Для дипломатии в этом нет ничего необычного. Отказ помочь одной стороне ещё не означает нейтралитета. Особенно если вторая сторона кажется более полезной.

Возможно и другое. Диодор или его источник стремился показать последовательный поиск Сегестой защитника: Акрагант, Сиракузы, Карфаген, Афины. Такая схема выглядит

слишком аккуратно, почти как маршрут человека, обходящего соседей с просьбой одолжить денег. Не дали в первой квартире — идём во вторую. Не дали там — звоним родственникам.

Фукидид, современник событий, сосредоточен не на ранней дипломатии Сегесты, а на том положении, которое сложилось к моменту её обращения в Афины: Селинунт действовал при поддержке Сиракуз, а Сегеста проигрывала.

Не вполне ясно, когда именно Сиракузы перешли от отказа помогать Сегесте к поддержке Селинунта и насколько активной была эта поддержка. Но к моменту афинского решения сегестяне представляли войну уже не как частный спор с соседним городом, а как часть сиракузского наступления.

Именно это превращало местную войну в кризис значительно большего масштаба.

На первый взгляд участие Сиракуз выглядит странно. Город находился на противоположном конце острова. Возникает очевидный вопрос: зачем крупнейшему центру Восточной Сицилии вмешиваться в спор за поля на западе?

Официальные объяснения могли быть самыми разными. Селинунт и Сиракузы были дорийскими городами. В греческом мире происхождение колонии, связь с метрополией и принадлежность к дорийской или ионийской группе имели политическое значение. Позднее все стороны активно использовали это родство в пропаганде.

Но не стоит превращать дорийское единство в мистическую силу. Сицилийские дорийцы прекрасно умели воевать друг с другом. Ионийцы тоже не бросались в объятия любому другу ионийцу только из-за общего диалекта.

Сиракузы поддерживали Селинунт потому, что это соответствовало их интересам. Победа дружественного греческого города усиливала сиракузское влияние в западной части острова. Поражение Сегесты ослабляло государство, которое могло искать поддержку у Карфагена или Афин. Кроме того, Сиракузы уже демонстрировали стремление играть роль главной силы греческой Сицилии.

Незадолго до этого они добились фактического уничтожения самостоятельного Леонтинского государства. Часть леонтинцев была включена в сиракузское гражданство, противники такого решения изгнаны, а земли города оказались под контролем Сиракуз. Для самих Сиракуз это могло выглядеть наведением порядка. Для соседей — предупреждением.

Сегестяне прекрасно понимали, как надо представить дело афинянам.

Они не сказали: «Мы проиграли спор за землю, пришлите флот».

Подобная просьба едва ли вдохновила бы афинское народное собрание.

Они сказали иначе: Сиракузы последовательно уничтожают ваших друзей, подчиняют остров и вскоре станут достаточно сильны, чтобы помочь Спарте.

Чтобы придать просьбе дополнительный вес, послы Сегесты напомнили Афинам о связях, возникших во время предыдущей войны на Сицилии, когда туда был отправлен афинский военачальник Лахет.

Вы уже вмешивались в дела Сицилии; у вас здесь были союзники, — уговаривали послы, — Сиракузы разгромили Леонтины; теперь они уничтожат нас; если вы ничего не сделаете, вся прежняя афинская политика на острове окажется бессмысленной.

Железные аргументы, не правда ли?

Мы не просим вас начинать новую войну. Мы просим не бросать старых друзей.

Мы не затягиваем вас в чужой конфликт. Мы напоминаем о прежних обязательствах.

Мы не предлагаем захватить Сицилию. Мы предлагаем остановить агрессора, пока он не стал слишком силён.

Так местная война перестаёт выглядеть местной.

Главный довод сегестян был выстроен почти безупречно. Если Сиракузам позволить безнаказанно уничтожать афинских союзников, они постепенно подчинят всю Сицилию. Затем, как дорийцы, они придут на помощь дорийской Спарте. Более того, Сиракузы были колонией

Коринфа, одного из самых непримиримых противников Афин. Следовательно, их усиление создавало прямую угрозу афинской державе.

Убедительно?

Вполне.

Доказано?

Нет.

Сиракузы действительно поддерживали связи с Коринфом. Они действительно могли вмешаться в Пелопоннесскую войну. Позднее, уже после разгрома афинской экспедиции, сиракузские корабли действительно будут действовать против Афин в Эгейском море.

Но из этого не следует, что в 416 или начале 415 года до нашей эры Сиракузы готовили большой поход на помощь Спарте. Сегестяне говорили не о подтверждённом плане, а о возможном будущем.

Однако именно возможное будущее чаще всего и продают народному собранию.

Если враг уже напал, обсуждать поздно. Поэтому сторонники вмешательства всегда предлагают действовать заранее. А противники вмешательства требуют доказательств, которые по определению появятся только тогда, когда угроза станет реальностью.

Политик говорит:

— Через несколько лет они могут стать опасны.

Ему отвечают:

— Но сейчас они не опасны.

Через несколько лет тот же политик заявляет:

— Я же предупреждал.

Если же угроза не сбывается, никто обычно не вспоминает, сколько флотов было отправлено ради предотвращения события, которое, возможно, вообще не собиралось происходить.

Сегестяне попали точно в слабое место афинян. После десятилетий войны Афины привыкли рассматривать любой региональный конфликт как часть противостояния со Спартой. Дорийский город поддерживает другой дорийский город? Значит, за этим может стоять пелопоннесская система союзов. Сиракузы усиливаются? Значит, завтра их корабли окажутся у берегов Аттики.

Выглядело правдоподобно.

Впрочем, было бы ошибкой представлять Афины невинным прохожим, которого хитрые сегестяне случайно затащили на чужую войну.

Афиняне интересовались Сицилией давно. В 427 году до нашей эры они уже отправляли туда флот, официально помогая Леонтинам и другим союзникам против Сиракуз. Афинское присутствие тогда оставалось ограниченным, но сам прецедент был создан.

Сицилия имела большое стратегическое значение. Остров располагал людьми, корабельным лесом, лошадьми и огромными запасами зерна. Его города контролировали морские пути между Восточным и Западным Средиземноморьем. Союзники на Сицилии позволяли Афинам давить на Пелопоннес с нового направления.

Однако не следует впадать в другую крайность и утверждать, что Афины давно готовили детальный план завоевания всего острова, а просьба Сегесты была лишь театральным предложением.

Фукидид действительно пишет, что истинным стремлением афинян было покорение Сицилии, тогда как помощь союзникам служила благовидным объяснением. Это его общая оценка афинских намерений. Но внутри самих Афин единого плана не существовало.

Стратег Никий хотел ограниченной экспедиции.

Стратег Алкивиад говорил о создании сети союзов и широком наступлении.

Стратег Ламах предлагал немедленно атаковать Сиракузы.

Три стратега — три разных войны.

Если бы существовал заранее разработанный общий план завоевания острова, командующие хотя бы примерно понимали бы, что делать после прибытия. В действительности споры не прекращались даже у берегов Сицилии.

Афины были похожи на человека, который давно присматривается к соседнему участку, но ещё не решил, строить там дом, посадить сад или просто поставить сарай. И тут приходит хозяин участка и предлагает ключи.

Разве можно отказаться?

Но даже такого приглашения было недостаточно. Сегестяне понимали, что одной страшилки о будущей сиракузской угрозе афинянам не хватит. Афины продолжали войну со Спартой, Никиев мир оказался ненадёжным, казна была не бездонной.

Поэтому послы сделали предложение, которое окончательно превращало рискованную авантюру в выгодный проект.

Сегеста оплатит войну.

По словам послов, город располагал достаточными средствами для содержания афинского флота. Это меняло всё. Получалось, Афины могли ослабить Сиракузы, защитить союзников и расширить влияние практически за чужой счёт.

На словах.

К чести афинян, они не поверили сразу. На Сицилию отправили специальную комиссию, которая должна была проверить сокровища Сегесты и оценить положение на месте.

Сегестяне подготовились.

Афинским послам показали драгоценности в храме Афродиты в Эриксе. Затем их приглашали на пиры. Для каждого нового застолья собирали золотую и серебряную посуду — собственную, одолженную у соседей и, вероятно, переходившую из дома в дом вслед за проверяющими.

Представьте современную комиссию, которой в каждом филиале показывают один и тот же служебный автомобиль, только каждый раз меняют номер. В первом городе комиссия записывает: автомобиль есть. Во втором: автомобиль есть. В третьем: автомобиль есть. В итоговом отчёте у организации уже три машины.

Сегестяне сделали то же самое с кубками.

Послы видели серебро повсюду. Моряки видели богатые пиры. Вернувшись в Афины, они рассказывали о невероятных ресурсах союзника.

Обман оказался простым, почти детским. Но сработал.

Потому что люди особенно охотно верят в ложь, которая подтверждает их желания.

Афиняне хотели услышать, что поход будет оплачен. Им это сказали.

Позднее, когда флот уже прибыл на Сицилию, выяснилось, что обещанных богатств нет. Сегеста смогла предоставить лишь тридцать талантов, помимо шестидесяти талантов, ранее привезённых послами как месячное содержание шестидесяти кораблей. Фукидид подробно описывает и разочарование командующих, и насмешки над членами прежней комиссии.

Но к тому времени огромная экспедиция уже находилась у берегов острова.

Развернуть её обратно означало признать, что Афины позволили обвести себя вокруг пальца несколькими наборами посуды.

Государства редко любят признавать подобные вещи. Особенно когда флот уже вышел в море.

Впрочем, деньги были лишь частью уловки. Не менее важно то, как сегестяне незаметно изменили сам адрес будущей войны.

Формально Сегеста просила помочь против Селинунта.

Но послушайте аргументы её послов. Почти все они были направлены против Сиракуз.

Селинунт захватил землю — но опасны Сиракузы.

Селинунт победил сегестян — но остановить надо Сиракузы.

Селинунт непосредственно угрожал городу — но в Афинах говорили о будущей сиракузской помощи Спарте.

Это не случайность.

Селинунт сам по себе едва ли мог вызвать в Афинах необходимый энтузиазм. Ради спора на далёкой окраине Сицилии афиняне могли отправить небольшую эскадру, провести переговоры или вовсе ограничиться грозным письмом.

Сиракузы были другой добычей.

Это был крупный, богатый и потенциально опасный город. Победа над ним меняла равновесие сил во всём западном Средиземноморье. Поэтому сегестяне сознательно или инстинктивно поставили Сиракузы в центр своего рассказа.

Они просили помощи у одного великого государства против другого великого государства, хотя начиналась война между двумя соседними городами.

И Афины приняли именно такую постановку вопроса.

Первоначально народное собрание постановило отправить шестьдесят кораблей. Командующим дали полномочия помочь Сегесте против Селинунта, восстановить Леонтины и вообще устроить дела Сицилии так, как они сочтут полезным для Афин.

Последняя формулировка особенно прекрасна.

Она означала всё и ничего.

Можно было ограничиться посредничеством.

Можно было разгромить Селинунт.

Можно было воевать с Сиракузами.

Можно было начать строительство новой афинской империи.

Формально цель была ограниченной. Полномочия — практически безграничными.

Так обычно и открывается дверь для большой войны. Не решением «завоевать весь остров», которое напугало бы даже самых восторженных граждан, а осторожной формулой: помочь союзникам и действовать по обстановке.

Обстановка потом всегда найдётся.

Но прежде чем обвинять сегестян в создании сиракузской угрозы из воздуха, следует ещё раз вернуться к главному вопросу. Действительно ли Сиракузы вмешались в войну Сегесты и Селинунта или речь шла лишь о дипломатическом преувеличении?

Фукидид отвечает достаточно определённо: Селинунт заключил союз с Сиракузами и теснил Сегесту на суше и на море.

Если принять его свидетельство буквально, сиракузское вмешательство было не пропагандистской выдумкой. Поддержка флота особенно важна. Сегеста располагалась не непосредственно на морском берегу, но зависела от прибрежных пунктов и торговых путей. Давление с моря могло серьёзно осложнить её положение.

Однако источник не сообщает масштаба помощи.

Сколько кораблей прислали Сиракузы?

Были ли это именно сиракузские корабли или объединённые силы союзников?

Находились ли сиракузские воины в составе сухопутной армии Селинунта?

Когда был заключён союз?

Получила ли Сегеста предварительный ультиматум?

Ответов нет.

Диодор, как уже отмечалось, вообще сохраняет другую последовательность дипломатии. Согласно его рассказу, Сегеста обращалась к Сиракузам за союзом и получила отказ. Это не исключает последующего перехода Сиракуз на сторону Селинунта, но заставляет осторожнее относиться к простой схеме, в которой Сиракузы с первого дня руководили агрессией.

Вероятнее всего, происходила постепенная эскалация.

Сначала — пограничный спор.

Затем — военное столкновение двух городов.

Потом — победа Селинунта.

Далее — дипломатическая поддержка или союз с Сиракузами.

Наконец — давление на Сегесту с моря и суши.

После этого Сегеста обратилась к внешним силам, а афинянам представила конфликт как часть большой сиракузской экспансии.

Вмешательство Сиракуз изменило масштаб конфликта, но ещё не сделало большую войну неизбежной.

Даже обращение Сегесты в Афины не означало обязательной отправки гигантской армии. Афиняне могли послать небольшую эскадру. Могли потребовать переговоров. Могли поддерживать Сегесту деньгами. Могли пригрозить Селинунту. Могли, наконец, вообще отказать.

Но в кризисе у каждой стороны возникает собственная логика страха.

Сегеста боялась Селинунта и Сиракуз.

Афины боялись появления единой Сицилии под сиракузским руководством.

Сиракузы боялись афинского вмешательства и поддержки их внутренних противников.

Селинунт боялся потерять победу, если останется без сильного союзника.

Чем больше каждый пытался обеспечить свою безопасность, тем опаснее становилось всем остальным.

Сегеста позвала Афины, чтобы избежать уничтожения.

Сиракузы увидели в этом опасность.

Афины истолковали сиракузское сопротивление как доказательство прежней угрозы.

После прибытия афинского флота сицилийские города начали решать, к кому примкнуть. Теперь нейтралитет также становился политическим выбором. Одни опасались Сиракуз, другие — Афин. Кто-то хотел воспользоваться войной для сведения старых счётов. Кто-то просто ждал, кто окажется сильнее.

Маленькая война между Сегестой и Селинунтом исчезла внутри большой войны.

Это произошло настолько быстро, что сами участники не сразу заметили подмену.

Афинский стратег Никий уже на Сицилии всё ещё предлагал выполнить первоначальную задачу: отправиться к Селинунту, принудить его к миру с Сегестой и вернуться домой.

Афинский стратег Алкивиад предлагал сначала привлечь союзников, а потом ударить по Сиракузам и Селинунту.

Афинский стратег Ламах хотел немедленно атаковать Сиракузы.

Обратите внимание: спор двух соседей, из-за которого якобы началась экспедиция, уже занимал в планах командования второстепенное место. Главной целью становились Сиракузы.

Поэтому привычное утверждение о том, что Сегеста просто обманула Афины, верно лишь наполовину.

Да, она преувеличила своё богатство, устроила спектакль для комиссии и убедила афинян, что сможет оплатить поход.

Но Афины тоже собирались использовать Сегесту. Они увидели в её просьбе возможность вмешаться в сицилийские дела, восстановить влияние, ослабить Сиракузы и, возможно, создать новую систему союзов.

Сегеста хотела получить афинский флот для своей войны.

Афины хотели получить сегестинские деньги для своей войны.

Каждый полагал, что обманул другого.

Сегестяне действительно получили защиту. Селинунт во время афинской экспедиции не уничтожил их город.

Афиняне действительно получили повод войти на Сицилию.

Только денег оказалось мало, союзников — меньше ожидаемого, а противник — значительно сильнее.

Подобные союзы особенно опасны. Стороны заключают их ради разных целей, но до начала войны стараются не замечать противоречий. Малый союзник думает: великая держава решит мою местную проблему. Великая держава думает: малый союзник предоставит деньги, базу и поддержку для большой стратегии.

После начала войны выясняется, что малый союзник беднее, чем говорил, а великая держава собирается воевать совсем не там и не за то, о чём её просили. Но остановить маховик уже трудно.

Можно ли после этого возложить ответственность за сицилийскую катастрофу на Сегесту?

Нет.

Сегеста действовала цинично, но рационально. После поражения она искала сильного защитника. Ей отказали Акрагант, Сиракузы и, по версии Диодора, Карфаген. Оставались Афины. Сегестяне понимали, что без внешней помощи могут потерять земли, выход к морским путям, самостоятельность, а возможно, и сам город.

Они солгали о деньгах.

Но решение отправить экспедицию принимали не они.

Можно ли обвинить Селинунт?

Он начал или, по меньшей мере, обострил территориальный спор, перешёл реку и захватил землю. Его победа подтолкнула Сегесту к поиску внешнего покровителя.

Но Селинунт не приказывал Афинам отправлять крупнейший флот.

Виноваты ли Сиракузы?

Их поддержка Селинунта превратила локальное столкновение в конфликт сил разного порядка. Сегеста могла сражаться с соседним полисом. Сражаться одновременно с Селинунтом и Сиракузами она не могла.

Однако помощь союзнику ещё не означала объявления войны Афинам. Сиракузское вмешательство создало угрозу Сегесте, но афинское решение превратило угрозу в общеэллинский кризис.

Главная ответственность лежала на Афинах, потому что именно они выбрали масштаб ответа.

Они могли помочь ограниченно.

Они решили отправить силу, способную не только спасти Сегесту, но и изменить политическую карту Сицилии.

Впрочем, даже это решение ещё не было окончательным приговором. Катастрофу создала цепочка последующих ошибок. Но первый шаг был сделан именно здесь.

Фраза «Сегеста просит помощи» звучит почти невинно.

Город попал в беду. Союзник должен помочь. Что тут обсуждать?

Обсуждать следует всё.

Какова точная цель помощи?

Против кого она направлена?

Какой объём сил необходим?

Кто оплачивает операцию?

Что считается победой?

Когда войска вернутся домой?

Что произойдёт, если местный противник получит поддержку великой державы?

Что произойдёт, если обещанные союзником деньги окажутся серебряными кубками, взятыми напрокат до вечера?

Афиняне не дали ясного ответа почти ни на один из этих вопросов.

В результате ограниченная экспедиция превратилась в демонстрацию всей мощи Афин. Чем больше становилась армия, тем нелепее выглядела идея ограничиться примирением Сегесты и Селинунта. Нельзя привести к берегам Сицилии огромный флот, торжественно пересечь море, поразить союзников великолепием снаряжения — а затем поставить пограничные столбы у спорной реки и отправиться домой.

Сила начала диктовать цель.

Раз уж собрали такую армию, нужно совершить нечто великое.

Раз уж прибыли на Сицилию, нельзя уйти без победы.

Раз уж Сиракузы сопротивляются, именно их сопротивление доказывает необходимость их уничтожения.

Так война сама создаёт собственные оправдания.

Сначала Сиракузы были возможной угрозой.

Потом они стали препятствием для помощи Сегесте.

Затем — главной целью похода.

Наконец, их упорное сопротивление превратилось для афинян в доказательство того, что противника с самого начала оценивали правильно.

Круг замкнулся.

Война Сегесты и Селинунта была настоящей. Территориальный спор был настоящим. Поражение Сегесты было настоящим. Поддержка Селинунта Сиракузами, если верить Фукидиду, также была настоящей.

Сиракузы помогают Селинунту. Следовательно, они хотят подчинить Сицилию. Следовательно, затем они помогут Спарте. Следовательно, Афины должны ударить первыми.

Между первым и последним утверждением находилась огромная пропасть. Сегестинские послы аккуратно перебросили через неё мост. Афиняне с радостью по нему прошли.

Почему?

Потому что просьба Сегесты совпала с их собственными желаниями. Она предложила угрозу, которой можно было напугать осторожных. Предложила деньги, которыми можно было успокоить расчётливых. Предложила славу, которой можно было соблазнить молодых. И предложила Сиракузы — противника достаточно опасного, чтобы война выглядела необходимой, и достаточно далёкого, чтобы победа казалась лёгкой.

Сегеста просила спасти её от соседа. Афины услышали приглашение покорить Сицилию.

В этом и состояла первая ошибка. Не последняя.

Но без неё остальных могло не быть.

Глава четвёртая. Афинская армада

Войны редко начинаются с честной формулировки цели. Никто не выходит к народу и не говорит: уважаемые граждане, давайте отправим на другой конец известного мира огромную армию, потому что нам захотелось славы, денег и новых владений. Нет, большие авантюры подаются маленькими порциями. Сначала нужно защитить союзников. Потом восстановить справедливость. Затем наказать агрессора. И только тогда, когда корабли уже строятся, солдаты записываются в поход, а будущие командующие мысленно делят добычу, выясняется, что речь шла вовсе не о защите небольшого города. Речь шла о завоевании целого острова.

Именно так Афины отправились на Сицилию.

Формально всё выглядело вполне прилично. Сицилийская Сегеста враждовала с соседним Селинунтом и просила помощи. За Селинунтом стояли Сиракузы — крупнейший и могущественнейший город острова. Сегестяне напоминали афинянам о старом союзе и уверяли, что способны оплатить военные расходы. Они даже привезли шестьдесят талантов серебра — сумму, которой должно было хватить на месячное содержание шестидесяти кораблей. Неплохое начало, не правда ли? Клиент показывает деньги, союзный договор лежит на столе, противник связан со спартанцами. Какие ещё нужны основания?

Фукидид подчёркивает неприятную подробность: большинство афинян плохо представляло себе размеры Сицилии, количество её населения и силы местных городов. Но незнание редко мешает уверенности. Порой оно, наоборот, является её главным источником. Человек, который действительно разбирается в вопросе, обычно видит сложности. Человек, посмотревший на карту издалека, полон энтузиазма.

В первом Народном собрании афиняне решили послать шестьдесят кораблей. Командование поручили трём стратегам с чрезвычайно широкими полномочиями: Никию, Алкивиаду и Ламаху. Уже в этом назначении заключалась насмешка судьбы. Никий был главным противником похода. Алкивиад — его самым ярким сторонником. Ламах — профессиональным военным, не имевшим ни богатства Никия, ни политического блеска Алкивиада.

Представьте себе экспедицию, которой одновременно руководят осторожный бухгалтер, молодой рекламщик и старый полевой командир. Бухгалтер считает, что предприятие вообще не следует начинать. Рекламщик обещает завоевать рынок, о котором почти ничего не знает. Полевой командир предлагает не тратить время на презентации и сразу ударить по главному конкуренту. Какой могла получиться стратегия? Вероятно, никакой. Но Народное собрание надеялось, что достоинства одного уравновесят недостатки другого.

Такое решение часто называют мудрым компромиссом. В действительности это был отказ выбирать.

Через пять дней граждан снова собрали для обсуждения подготовки экспедиции. Казалось бы, принципиальный вопрос уже решён. Оставалось определить количество кораблей, запасов и войск. Но Никий предпринял последнюю попытку остановить поход. Он произнес речь о том, что решение принято слишком поспешно. Сицилийские города находятся далеко. Они многочисленны, богаты и располагают значительными вооружёнными силами. Даже если афинянам удастся победить, удержать остров будет трудно. Если же кампания затянется, враги Афин в самой Греции получают прекрасную возможность возобновить войну.

Напоминание было более чем уместным. Мир со Спартой существовал преимущественно на бумаге. Крепость Пилос оставалась в руках афинян. Спартанцы не выполнили всех условий договора. Беотийцы вообще к нему не присоединились. Коринф продолжал враждовать с Афи-

нами. Недавно афиняне пережили тяжёлое поражение при Мантинее, где спартанцы доказали, что их армия вовсе не утратила боеспособность.

Иными словами, Афины собирались открыть вторую войну, не закончив первую.

Никий спрашивал граждан примерно о том же, о чём любой разумный человек спрашивает перед крупной покупкой: а у нас вообще есть деньги? Только речь шла не о доме и не о корабле для прогулок. Нужно было содержать флот за тысячи стадиев от Аттики, доставлять продовольствие, пополнять экипажи, платить наёмникам и воевать против городов, которые в случае опасности могли объединиться.

Но одним расчётом Никий не ограничился. Он ударил по Алкивиаду.

Молодой политик, утверждал Никий, толкает город в опасную войну ради личной славы. Его роскошная жизнь, конюшни, участие в состязаниях колесниц и огромные расходы требуют новых побед и новых доходов. Не позволяйте человеку, говорил он по существу, рисковать государством ради собственного престижа.

Обвинение было сильным именно потому, что наполовину являлось правдой. Алкивиад действительно не был бескорыстным служителем отечества, случайно оказавшимся рядом с сицилийским проектом. Он мечтал о командовании. Он рассчитывал подчинить Сицилию, а затем, возможно, двинуться против Карфагена. Победа обещала ему славу, богатство и положение первого человека в Афинах.

Однако здесь Никий совершил обычную ошибку опытного, разумного и не слишком яркого политика. Он решил, что достаточно показать личные мотивы оппонента, чтобы опровергнуть его программу. Но толпа редко возмущается честолюбием человека, если это честолюбие совпадает с её собственным. Граждане тоже хотели славы, богатства и победы. Алкивиад лишь произносил вслух то, о чём многие уже думали.

Он не стал оправдываться за роскошь. Напротив, Алкивиад превратил обвинение в аргумент. Да, его колесницы участвовали в Олимпийских играх. Да, он выставил сразу семь экипажей и занял первое, второе и четвёртое места. Да, он устраивал великолепные празднества. Но разве это унижало Афины? Разве греки, видевшие богатство и размах афинского гражданина, не судили по нему о могуществе всего города?

Алкивиад напомнил и о своих политических успехах. Именно он создал союз Афин с Аргосом, Мантинеей и Элидой. Он собрал на Пелопоннесе силы, способные противостоять Спарте. То, что при Мантинее союз потерпел поражение, в речи было аккуратно отодвинуто в сторону. Хороший оратор отличается от плохого не тем, что никогда не сталкивается с неприятными фактами. Он просто знает, какие факты следует произнести громко, а какие — быстро.

Главный аргумент Алкивиада состоял в другом. Афины не могли позволить себе бездействие. Их держава возникла благодаря постоянной активности. Она держалась не на спокойном уважении союзников, а на страхе, движении и демонстрации силы. Стоило остановиться, как подчинённые города могли решить, что империя слабеет. Следовательно, наступление являлось не прихотью, а способом сохранить уже приобретённое.

Это был опасный, но не бессмысленный довод. Империя действительно похожа на человека, бегущего вниз по склону. Остановиться хочется, но ноги уже несут вперёд. Любая новая победа создаёт новые обязательства, новые гарнизоны, новых врагов и новые причины для следующей победы. Снаружи это выглядит как неудержимое могущество. Изнутри — как невозможность прекратить движение.

Алкивиад также уверял, что сицилийские города разобщены. Их население смешанно, политические режимы непрочны, а жители не испытывают глубокого чувства единства. Афиняне смогут привлекать одни общины против других. Сиракузы, конечно, сильны, но им противостоят враги. Сегеста предоставит деньги. Другие города дадут войска и продовольствие. После покорения Сицилии Афины получают ресурсы, которые позволят окончательно победить Спарту.

Получалась почти идеальная война. Союзники оплачивают поход. Местные жители встречают освободителей. Противник раскалывается. Победитель возвращается с прибылью.

Самое интересное заключалось в том, что Алкивиад не отрицал дальность и сложность предприятия. Он просто превращал их в доказательство величия цели. Чем опаснее поход, тем значительнее победа. Чем больше потребуется сил, тем меньше следует сомневаться. Сомнение вообще объявлялось свойством стариков, а решительность — достоинством молодости.

Никий пытался противопоставить опыт азарту. Алкивиад превратил опыт в трусость.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.